

Д. М. ДОРОГАНЬ

(г. Гомель, УО «Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины»)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИМЕНИ КОНЦЕПТА «ЖЕЛАНИЕ» В РУССКОМ, БЕЛОРУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются ядерные лексемы, служащие именем концепта «Желание» в русском, белорусском и английском языках, исторические изменения в семантической структуре соответствующих лексем; производится реконструирование исходных корней, выявляется их этимон; делается вывод о семантическом своеобразии имени концепта в указанных языках.

Концепт «Желание» относится к числу универсальных концептов. В разные периоды истории концепт «Желание» воспринимался и интерпретировался по-разному. Так, в античности, где Аристотель впервые истолковал природу желания в своем психолого-философском исследовании «О душе», желание считалось чем-то, что свойственно душе каждого. Он сопоставлял желание и стремление и считал их движущими началами всякого действия: «Ведь стремление – это желание, страсть и воля; все животные обладают по крайней мере одним чувством – осознанием. А кому присуще ощущение, тому присуще также испытывать и удовольствие, и печаль, и приятное, и тягостное, а кому все это присуще, тому присуще и желание: ведь желание есть стремление к приятному» [1, с. 102–103].

В Средневековье желание уже ассоциировалось с греховностью. Исключениями являлись те желания, в основе которых находилось стремление познать Бога и душу, что неудивительно, поскольку в то время церковь оказывала сильное влияние на сознание масс. Из ярких деятелей этого периода можно выделить Аврелия Августина, который утверждал, что счастливая жизнь – это «не что иное, как радость, даруемая истиной». «Все хотят ее, но «плоть желает противного духу, а дух – противного плоти, так что люди не делают того, что хотят» и поэтому увязают в том, что им по силам, и этим удовлетворяются: у них нет настоящего желания получить силы на то, на что у них не хватает сил» [2]. Счастливая жизнь понимается философом как желание обладать истиной, то есть искать Бога.

В дальнейшим концепт «Желание» стал осмысливаться в ином направлении – он начал рассматриваться с позиции психологии (Т. Гоббс, Р. Декарт, Г. В. Лейбниц). Например, Т. Гоббс трактовал желания с точки зрения эмоциональной сферы. Он связывал понятия добра и желания, где первое – это то, что может удовлетворить второе. Р. Декарт смотрел на желание под иным углом. Философ считал, что в организме человека есть специальная железа, в которой находится душа. Желания же – это то, с помощью чего «настраивается душа», таким образом трактовка Р. Декарта очень схожа с аристотелевской, в которой желания также являлись главным двигателем всего. Г. В. Лейбниц же открыл амбивалентную сторону концепта «Желание». Его понимание желания в качестве страсти близко к декартовскому, но Г. В. Лейбниц желание соотносил с видом познания, а именно со смутным познанием. Здесь желание – это нечто, что находится в нашей власти, ведь оно сопряжено с волей, но мы не всегда задумываемся над применением воли для воплощения желания. Таким образом, выходит, что произвольны не сами желания, а их исполнение, которое зависит только от нас.

Существовали и другие взгляды на концепт «Желание». К их числу можно отнести следующие:

- А. Шопенгауэр, Э. Гартман, Ф. Ницше трактовали желание через понятие «воля»;
- В. Вундт, Ф. Йодль, Ф. Паульсен интерпретировали желание через чувства. Они признавали чувства и ценности субъективными понятиями;

– Ф. Брентано, А. Мейнинг, А. Шелер тоже трактовали желание через чувства, но данные философы пытались обосновать объективность чувства и общезначимость ценностей;

– во время постструктурализма произошла абсолютизация желания, после чего желание стало восприниматься как главная сила, которая влияет на проявление индивидуальной и социальной жизни. Этой философской точки зрения придерживались С. Леклер и М. Фуко.

Таким образом, в основе понятийного ядра концепта «Желание» лежат положительные эмоции, а «сами желания выступают как проявление психофизического взаимодействия человека с миром, основанного на отношении между внешним стимулом, с одной стороны, и психологической или физической реакцией субъекта, с другой стороны» [3, с. 117].

Лингвистическое исследование имени концепта «Желание» в разных языках дает возможность выявления этимона, что важно, ведь, как мы знаем, язык напрямую влияет на мышление, которое лежит в основе философской мысли. Кроме того, определение своеобразия лексического ядра концепта в разных языках, близкородственных и с отдаленным родством, позволяет установить особенности национальной языковой картины мира, фрагментом которой является концепт «Желание».

В современном русском литературном языке слово *желание* имеет значения ‘внутреннее стремление, влечение к осуществлению чего-либо, к обладанию чем-либо’ с оттенком ‘высказанное кем-либо стремление к осуществлению чего-либо, к обладанию чем-либо; просьба, пожелание’, а также ‘любовное влечение, вожделение’ [4, с. 475]. Если сравнивать данное толкование с более ранней семантикой, например, в словаре В. И. Даля, то существенных различий мы не увидим. В. И. Даль рассматривает слово в статье с вокабулой *желать* и толкует значение через синонимы: *желанье* – ‘чувство желающего, жаданье, воленье, хотенье, стремленье’ с оттенком значения, развившимся в результате метонимического переноса, – ‘предмет желания, желаемое’ [5, с. 529]. Таким образом, за последние несколько веков семантический объем слова *желание* не изменился, но он значительно отличается от своего этимона.

Как и любое слово, *желание* имеет свою историю. В русском языке с ним исторически связывают глагол *галить*. Авторы «Этимологического словаря славянских языков» полагают, что «знач. ‘желать’ у **galiti* развилось, безусловно, экспрессивным путем, поэтому здесь надо исходить из figurального употребления (напр. ‘бросать взгляд’ – ‘таращиться, зариться’ – ‘желать’)» [6, с. 94]. Таким образом, *желать* в русском языке имеет семантическую параллель с глаголом *глазеть*, из-за чего можно прийти к выводу, что предметом желания становится то, на что мы можем «бросить глаз». Русское *галиться* ‘глазеть, плятить глаза’ А. А. Потебня соотносит с польским *galy* ‘глаза, зенки’ [6, с. 94].

Экспрессивность семантики обуславливает необходимость поиска метафорических семантических истоков. Уместно будет вспомнить этимологическую гипотезу А. Мейе [6, с. 94], сближавшего белорусское *галіць* со старославянскими *ЖЕЛЯ* ‘скорбь, печаль’, *ЖЕЛАНИЕ*, *ЖЕЛАТИ* ‘желать, хотеть’. Значение печали, сожаления, хотя и праславянское, вторично по отношению к семантике желания, которое соотносилось с возможностью его осуществления.

В английском языке существует слово *wish*, которое имеет родство с *want*. Оба эти слова восходят к единому протоиндоевропейскому корню **wen-* со значением ‘to desire, strive for’. В английском языке есть также интересный глагол *will* в значении ‘желать, стремиться; быть готовым; привыкнуть’, который происходит от протогерманского **willjan*, которое в свою очередь является источником древнесаксонского *willian*, древнескандинавского *vilja*, древнефризского *willa*, голландского *willen*, древневерхненемецкого *wellan*, немецкого *wollen*, готского *wiljan* ‘хотеть, желать, стремиться’, готского *waljan* ‘выбирать’ [7]. Авторы «Этимологического словаря белорусского языка» сопоставляют рус. *воля* и н.-в.-нем. *wollen* [8, с. 91]. Здесь хорошо видна связь рус. *воля* и англ. *will*, но вот установить, что лежало в первоначальной основе глагола *will* (воля или желание) нельзя, так как в английском языке эти понятия выражены одним словом.

В белорусском языке, как и в русском, существует слово *жаданье*, но для второго оно является на современном этапе устаревшим. На этом различия в языках не заканчиваются. В русском языке у *жадать* осталось значение ‘сильно хотеть’. В белорусском же языке у этого глагола развился специфический оттенок значения ‘желать, выражать добрые пожелания’. Тем не менее хоть семантика в русском и белорусском языке разошлась, сам глагол восходит к праславянскому **žēd-* (с носовым инфиксом наст. в.), который в свою очередь вышел из и.-е. корня **gʷʰedh-* ‘просить, хощь’ [9, с. 200].

В белорусском и украинском языках для передачи значения ‘сильно хотеть’ закрепился другой глагол – *прагнуць*. Это уже отмечал Памва Берында, переводя *жадаю* как *прагну* [9, с. 200]. Слово *прагнуць* считают того же корня, что и *пражыць*, которое имеет значение ‘поджаривать на огне’, ‘обрабатывать зерно, орехи, семена жаром перед употреблением’ [9, с. 200]. Так в белорусском языке прослеживается прямая связь желания с процессом подсушивания чего-то, выявляется архетипическая сема горения.

Исследование исторической семантики лексических единиц, служащих именем рассматриваемого концепта, показывает, что в русском и белорусском языке понятие «желание» восходит к конкретному действию, то есть само слово *желание* появилось в результате метафорического переноса. В английском же языке такого процесса не наблюдается. Исходные протоиндоевропейские корни **wel-* ‘to wish, will’ (желать) и **wen-* ‘to desire, strive for’ сохранили свою первоначальную семантику, несмотря на столь значительный промежуток времени, и лишь слегка формально трансформировались. Данное наблюдение еще раз указывает на приверженность англичан своим языковым традициям, меньшую степень дифференцированности семантики и меньшую очевидность семантических изменений. Это в свою очередь вновь подчеркивает известное различие английского и славянского мышления.

Кроме того, стоит заметить, что в индоевропейском прайзыке были разные лексические средства для обозначения желания. Об этом свидетельствует наличие в протоиндоевропейском языке таких корней, как **wel-*, **wen-*, а в праиндоевропейском – **gher-* со значением ‘стремиться, желать’, который в данной статье мы не рассматриваем, так как современные рефлексы корня не служат именем концепта. В качестве ещё одного подтверждения сюда же можно отнести индоевропейский корень **gʷʰedh-* ‘просить, хотеть’. Таким образом, можно предположить, что значение ‘желать’ во всех этих корнях развилось вторично.

Изучение истории семантики ядерных лексем, служащих именем универсального концепта «Желание» в русском, белорусском и английском языках, позволяет установить истоки и аргументировать своеобразие его репрезентации.

Список использованной литературы

- 1 Аристотель. О душе / Аристотель ; пер. с др.-греч. П. С. Попова ; примеч. А. В. Сагадеева ; вступит. ст. А. В. Лызлова]. – М. : РИПОЛ классик, 2020. – 260 с.
- 2 Августин, Аврелий. Исповедь [Электронный ресурс] / Блаженный Аврелий Августин // Антология фрагментов классических текстов философии : Электронная библиотека Института философии Российской академии наук. – 2018. – Режим доступа: <https://iphlib.ru/library/collection/antology/document/HASHb794a284cc617f73484b33>. – Дата доступа: 18.11.2024.
- 3 Алтабаева, Е. В. Концепт ‘желание’ как лингвофилософская категория / Е. В. Алтабаева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – №4(013). – С. 109–118.
- 4 Словарь русского языка : в 4 т. /АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. стереотип. – М. : Рус. язык, 1985–1988. – Т. I. А–Й, 1985. – 696 с.
- 5 Да́ль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Да́ль. – М. : Рус. язык, 1989–1991. – Т. I. А–З. – 1989. – 699 с.
- 6 Этимологический словарь славянских языков : праславянский лексический фонд / отв. ред. О. Н. Трубачев. – Вып. 6 (*e – *golva). – М. : Наука, 1979. – 223 с.

7 Etymonline – Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.etymonline.com>. – Дата доступа: 20.11.2024

8 Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут мовазнаўства імя Я. Коласа. – Т. 2 : В / А. Я. Міхневіч і інш. – Мінск : Навука і тэхніка, 1980. – 344 с.

9 Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут мовазнаўства імя Я. Коласа. – Т. 3 : Г–І / Р. У. Краўчук і інш. – Мінск : Навука і тэхніка, 1985. – 408 с.

The article detects of the nuclear lexemes that serve as the name of the concept “Desire” in Russian, Belarusian and English, historical changes in the semantic structure of the corresponding lexemes; reconstructs the original roots, identifies their etymon; concludes about the semantic originality of the name of the concept in these languages.